

Пролегомены экзегезы

Епископу Кассіану.

Въ основѣ всего нашего мышленія лежитъ одна предпосылка, которую мы не только принимаемъ безъ всякаго доказательства, но о которой обычно даже не думаемъ. Предпосылка эта состоитъ въ наивномъ убѣжденіи, что въ нашей логикѣ и грамматикѣ мы располагаемъ достаточными данными для точнаго и недвусмысленнаго высказыванія нашихъ мыслей. Мы вѣримъ въ то, что наша рѣчь (устная и писанная) можетъ быть «ясной и опредѣленной» («*claire et distincte*») — требованіе Декарта, и что, благодаря этому, мы способны понимать другъ друга. «Понимать», означаетъ въ данномъ случаѣ не только «воспринимать мысль другого» (послѣднее возможно также путемъ догадки, интуиціи, совпаденія мысли), но воспринимать ее именно благодаря ея устной или письменной, логической и грамматической формѣ, каковая предполагается, такимъ образомъ, адекватной ея содержанію.

Болѣе внимательное отношеніе къ этому вопросу показываетъ, однако, что дѣло обстоитъ здѣсь отнюдь не столь благополучно, какъ это представляется естественному не критическому мышленію. Если бы мы, дѣйствительно, «понимали» другъ друга, если бы каждое высказанное нами сужденіе, дѣйствительно, имѣло опредѣленное содержаніе, то между нами не было бы недоразумѣній недомолвокъ и наши высказыванія не нуждались бы въ «истолкованіи». Между тѣмъ «экзегеза» оказывается неизбѣжной тѣнью всякаго текста, съ какой бы тщательностью онъ ни составлялся (это, въ особенности, ясно въ области законодательства — какъ правового, такъ и моральнаго — гдѣ самыя тщательныя формулировки мысли всегда и неизбѣжно требуютъ дальнѣйшихъ истолкованій). И если, съ одной стороны, экзегеза намъ текстъ «объясняетъ», то, съ другой стороны, самая ея наличность (уже не говоря о ея необходимости), означаетъ серьезное сомнѣніе относительно нашей способности излагать наши мысли. Ибо что же это за «изложеніе», если мы ничего не можемъ высказать точно и недвусмысленно? Какъ несовершенна оказывается наша рѣчь, если все, что мы говоримъ и пишемъ, необходимо нуждается въ объясненіяхъ и дополненіяхъ? Обыкновенно эта неточность нашей рѣчи объясняется неопредѣленностью нашихъ понятій: мы называемъ одними и тѣми же именами разныя вещи; наши понятія не имѣютъ строго опредѣленнаго содержанія, и, вслѣдствіе этого, мы всегда стоимъ передъ опасностью оперировать неизвѣстными величинами, понимая другъ друга только тогда, когда слушающій и говорящій вкладываютъ въ то или иное слово

одно и то же содержание. Поэтому правильнее было бы говорить, что мы не «понимаемъ» другъ друга, а «догадываемся» о томъ, что другой хотѣлъ сказать, при чемъ слова и понятія являются какъ бы вѣхами на пути этихъ догадокъ... Борьба съ этимъ несовершенствомъ нашего мышленія хотя и трудна, но не невозможна; путемъ предварительнаго опредѣленія понятій, путемъ простой дисциплины мысли, избѣгающей всего неяснаго и неопредѣленнаго, мы можемъ превратить наши понятія въ нѣчто подобное математическимъ или химическимъ формуламъ. Въ такомъ случаѣ, произнесенное или прочитанное слово, будетъ имѣть не только опредѣленное положительное содержание, но и указывать его границы. Другими словами, мы будемъ знать, что оно означаетъ и чего оно не означаетъ. Элементы нашего мышленія будутъ «ясны и опредѣленны». Но станеть ли отъ этого «яснымъ и опредѣленнымъ» наше мышленіе? Здѣсь мы встрѣчаемся съ другой трудностью, гораздо болѣе серьезной, ибо никакой дисциплиной ее преодолѣть нельзя. Она касается не понятій, а сужденій, то есть самой основной, самой элементарной функціи нашего интеллекта.

Всякое сужденіе есть актъ синтеза: нѣчто утверждается съ чемъ-то. То, что утверждается есть предикатъ сужденія; то, о чемъ утверждается есть его субъектъ. Кромѣ субъекта и предиката, каковыя являются стабильными и содержательными элементами сужденія, все остальное (связка — во всѣхъ ея логическихъ и грамматическихъ формахъ) имѣетъ исключительно функціональное значеніе; она связываетъ предикатъ съ субъектомъ, означаетъ самый актъ синтеза, но ничего не вноситъ въ содержаніе сужденія, каковое исчерпывается предикатомъ и субъектомъ. И вотъ тутъ то, въ этой основной и вмѣстѣ универсальной функціи нашей мысли насъ встрѣчаетъ главная трудность, мы бы сказали, настоящая трагедія, подлинное безсиліе нашей логики и грамматики, органически не способныхъ точно и недвусмысленно формулировать нашу мысль. Трудность эта заключается въ томъ, что имѣя передъ собой сужденіе и различая въ немъ оба элемента, долженствующіе играть роль субъекта и предиката (эти элементы могутъ быть понятіями или цѣлыми комплексами понятій), мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы сказать, какой изъ нихъ долженъ быть принятъ за предикатъ, какой — за субъектъ. А вѣдь, отъ этого кореннымъ образомъ измѣняется смыслъ сужденія. Въ своемъ «Сборникѣ задачъ по логикѣ» проф. Н. О. Лосскій говоритъ, что «на вопросъ, каковы субъектъ и предикатъ сужденія, соответствующаго данному предложенію, можно отвѣтить только въ томъ случаѣ, когда **изъ контекста рѣчи, изъ интонаціи** или вообще **изъ обстановки** вполне ясно, какое сужденіе крылось въ сознаніи лица, высказавшаго предложеніе. Иными словами, мы должны знать, на какой запросъ мысли отвѣчало высказанное сужденіе». Эти высказанныя вскользь и какъ бы невинныя слова, содержатъ на самомъ дѣлѣ смертный приговоръ, всей нашей способности выражать мысли и понимать высказанное. Ибо какъ можно говорить о точномъ смыслѣ сужденія, если понять его можно только имѣя въ виду «контекстъ, интонацію и обстановку», то есть категоріи вовсе не логическія? Но, кромѣ того, эти условія 1) могутъ вообще отсутствовать; 2) способны помочь догадаться о томъ смыслѣ, который хотѣлъ

вложить въ свое сужденіе высказавшій его — ничего не говоря о томъ смыслѣ, который оно дѣйствительно содержитъ... И, тѣмъ не менѣе, — несмотря на нашу неспособность логически понимать другъ друга — мы говоримъ и пишемъ, слушаемъ, и читаемъ, и воображаемъ, что понимаемъ другъ друга! Какъ же обстоитъ дѣло, если посмотрѣть на этотъ процессъ взаимнаго пониманія съ логической точки зрѣнія, не преувеличивая нашихъ логическихъ данныхъ, но и не впадая въ чрезмерный пессимизмъ или скепсисъ при видѣ ограниченности нашихъ мыслительныхъ способностей.

Въ каждомъ сужденіи каждое, входящее въ его составъ понятіе (или комплексъ понятій) можетъ быть принято, какъ за предикатъ, такъ и за субъектъ. Такъ, если въ составъ сужденія входятъ понятія a и b , то возможными комбинаціями будутъ:

$$aP — bS \text{ и } aS — bP$$

Если въ составъ сужденія входятъ понятія a , b и c , то возможными комбинаціями будутъ

$$\begin{array}{l} aP — bS \text{ и } cS \text{ (копулятивное сужденіе) или } aP — bcS \\ aS — bP \text{ и } cP \text{ (" " ") или } aS — bcP \\ bP — aS \text{ и } cS \text{ (" " ") или } bP — acS \\ bS — aP \text{ и } cP \text{ (" " ") или } bP — acP \\ cP — aS \text{ и } bS \text{ (" " ") или } cP — abS \\ cS — aP \text{ и } bP \text{ (" " ") или } cS — abP \end{array}$$

(Сколько бы понятій въ составъ сужденія ни входило, актъ синтеза всегда направленъ только на два элемента; поэтому сужденія съ тремя, четырьмя и большимъ количествомъ понятій или являются копулятивными и разлагаются на соответствующее количество простыхъ сужденій, или оперируютъ сложными или множественными понятіями, каковыя воспринимаются, какъ единичные комплексы; поэтому, напр., $aP — bS$ и cS значить на самомъ дѣлѣ: $aP — bS$ и $aP — cS$; а $aP — bcS$ — значить, что субъектъ состоитъ изъ законченнаго синтеза b и c). Если въ составъ сужденія входятъ понятія a , b , c и d , то возможными окажутся восемнадцать комбинацій:

$$\begin{array}{lll} aP — bS, cS, dS & aP, bP — cS, dS & aP, bP, cP — dS \\ bP — aS, cS, dS & bP, cP — aS, dS & bP, cP, dP — aS \\ cP — aS, bS, dS & cP, dP — aS, bS & cP, dP, aP — bS \\ aS — bP, cP, dP & aS, bS — cP, dP & aS, bS, cS — dP \\ bS — aP, cP, dP & bS, cS — aP, dP & bS, cS, dS — aP \\ cS — aP, bP, dP & cS, dS — aP, bP & cS, dS, aS — bP \end{array}$$

(мы даемъ ихъ въ упрощенномъ видѣ, не разлагая на части). Соответствующія таблицы можно составить для сужденій съ пятью, шестью и т. д. понятіями.

Таблицы эти содержатъ въ себѣ перечень всѣхъ возможныхъ смысловъ, потенциально содержащихся въ данныхъ сужденіяхъ; онѣ являются, такъ сказать, схематическими каталогами возможностей. Но онѣ же доказываютъ, что количество этихъ возможностей безконечно. Экзеге-

тическая мысль практически не имѣетъ границъ, хотя теоретически она заключена въ алгебраическую формулу комбинацій понятій, входящихъ въ составъ даннаго сужденія или даннаго отрѣзка мысли. Замѣтимъ, еще, что перечисляя всѣ возможности истолкованія даннаго сужденія, таблицы эти **ничего** не говорятъ относительно того, какія изъ этихъ возможностей слѣдуетъ выбирать. Здѣсь, именно — въ этомъ выборѣ однѣхъ возможностей въ качествѣ важныхъ и содержательныхъ, и въ опусканіи другихъ, какъ имѣющихъ значеніе только обертоновъ мысли или вообще не имѣющихъ никакого значенія, начинается работа экзегета, лежащая за предѣлами формальной логики. Логическій же анализъ сужденія можетъ только предоставить ему матеріалъ, перечислить возможности, изъ которыхъ онъ уже будетъ выбирать наиболѣе важное и существенное. Фактически мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тѣмъ же процессомъ, когда ищемъ на какое слово даннаго предложенія падаетъ «логическое удареніе». Это «логическое удареніе», безъ котораго мы не можемъ обойтись, когда хотимъ истолковать (или понять) смыслъ предложенія на самомъ дѣлѣ къ логическимъ категоріямъ не принадлежитъ. Ибо логика (по крайней мѣрѣ, логика сужденій) знаетъ только субъекты и предикаты и ихъ синтезы — и больше ничего. Что же касается ударенія, то оно является сигналомъ или призывомъ обращенія вниманія, возбужденія интереса; въ этомъ — его психологическая функція. Но оно пріобрѣтаетъ логическій характеръ, когда указываетъ, какое слово должно быть выдѣлено изъ контекста и принято за предикатъ или за субъектъ. Трудность состоитъ здѣсь только въ томъ, что логическое удареніе не даетъ выхода изъ этого **или**, и ничего не говоритъ о томъ, является ли данное слово предикатомъ или субъектомъ. Иными словами, оно дѣлаетъ половину работы, выдѣляя данное понятіе и ставя относительно него дальнѣйшій вопросъ: къ чему оно относится (если оно играетъ роль предиката) или что о немъ говорится (если оно играетъ роль субъекта). Въ порядкѣ психологическаго воспріятія мысли, когда мы гораздо больше догадываемся о томъ, что говоритъ нашъ собесѣдникъ, чѣмъ понимаемъ его, подобное логическое удареніе (означаемое, обычно, интонаціей, или построеніемъ фразы) выполняетъ свою роль вполне удовлетворительно. Но если мы хотимъ, дѣйствительно, понять смыслъ сказаннаго (вѣрнѣе, выбрать нѣкоторые изъ содержащихся въ немъ смысловъ), то намъ необходимо разобѣраться тканъ нашей мысли на тѣ нити, изъ которыхъ она соткана и продѣлать всю ту сложную работу, которая одна можетъ намъ раскрыть **все** богатство содержащихся въ данномъ отрывкѣ мысли смысловъ. Исторія экзегезы — въ какой области мы бы ее ни встрѣчали, является вся сознательнымъ и безсознательнымъ примѣненіемъ этихъ логическихъ принциповъ, къ изслѣдованію которыхъ мы неизбежно приводимся тѣмъ простымъ фактомъ, что безъ истолкованія текста мы вообще обойтись не можемъ.

Въ процессѣ этого истолкованія особеннымъ значеніемъ пользуется тотъ методъ, который въ юридической практикѣ называется аутентическимъ толкованіемъ. Въ своемъ чистомъ видѣ онъ является толкованіемъ самого законодателя, который, комментируя свои формулы, объясняетъ, какой смыслъ онъ въ нихъ хотѣлъ вложить. За не-

возможностью обратиться къ самому автору текста, аутентическое толкованіе стремится косвенными методами установить тотъ смыслъ, который стремился воплотить въ данной формулѣ ея авторъ. Въ богословіи этому методу соотвѣтствуетъ историческое толкованіе текста, устанавливающее то его пониманіе, которое было современно (и очевидно общепринято) въ моментъ его возникновенія. Можно, однако, поставить себѣ вопросъ о томъ, является ли этотъ методъ экзегезы единственнымъ и примѣнимымъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Съ точки зрѣнія чистой логики, рассматривающей исключительно смыслы сужденій — внѣ условій времени и мѣста — методъ этотъ безусловно является психологизирующимъ и персонифицирующимъ. Онъ можетъ быть даже названъ надъ высказаннымъ смысломъ: **сказано** то то; да, но авторъ **хотѣлъ** сказать совсѣмъ иное. Подобная операція, конечно, выходитъ за предѣлы логическаго истолкованія и является просто зачеркиваніемъ данной формулы и замѣной ее иной. Въ области права мы часто встрѣчаемся съ (неудачными) формулами, которыя не выражаютъ воли законодателя и, тѣмъ не менѣе, примѣняются въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ понимаетъ и принимаетъ народное правосознаніе, судебная практика и т. п. А ссылка на то, что законодатель, создавая данную формулу, имѣлъ въ виду совсѣмъ иное, остается безъ вниманія. Въ этомъ отношеніи судьба высказаннаго сужденія, подобна судьбѣ чловѣка. Оторвавшись отъ материнскаго чрева, оно пріобрѣтаетъ свою самостоятельную судьбу и, хотя и не имѣетъ своей воли, перестаетъ зависѣть отъ тѣхъ, кто его зачалъ, выносилъ и высказалъ (не то же ли видимъ мы и въ судьбѣ написанныхъ и напечатанныхъ нами книгъ: онѣ живутъ своей жизнью, имѣютъ свою судьбу, часто совершенно не похожую на судьбу ихъ авторовъ).

Жизнь чловѣка заключается въ томъ, что изъ нѣкотораго числа предоставленныхъ ему природой возможностей, онъ выбираетъ и осуществляетъ нѣкоторыя; въ жизни высказаннаго сужденія происходитъ то же самое; изъ числа содержащихся въ немъ возможныхъ смысловъ, воспринимающіе его выбираютъ только нѣкоторые, оставляя безъ вниманія остальные. Это происходитъ все время и со всѣми сужденіями. Однако, повседневность факта не можетъ служить его оправданіемъ, и съ точки зрѣнія логики, подобныя операціи являются, если не произвольными, то, во всякомъ случаѣ, объясняемыми какими то иными, внѣ-логическими, мотивами. Изъ этого слѣдуетъ, что пониманіе высказанной и формулированной мысли неизбѣжно должно носить творческій характеръ и требуетъ отъ воспринимающаго усилій не меньшихъ (если не большихъ) чѣмъ отъ высказывающаго. Творчество это, правда, ограничено; оно состоитъ только въ выборѣ нѣкоторыхъ изъ предоставленныхъ возможностей (но вѣдь, такова природа всякаго чловѣческаго творчества!); однако, въ виду того, что количество этихъ возможностей практически безконечно — свобода пониманія и истолкованія текста также является неисчерпаемой.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ чрезвычайно важному выводу о томъ, что воспріятіе логическаго формулированнаго текста никогда не является пассивнымъ процессомъ принятія даннаго и навязываемаго; оно всегда и по необходимости носитъ характеръ активнаго

выбора; оно не столько «получает», сколько «беретъ», «избирает» (1); оно не механично, не автоматически, не мертво; оно связано не только съ предлагаемыми ему камешками мозаики человѣческой рѣчи, но съ органическимъ цѣлымъ интеллектуальной жизни слушающаго и читающаго, воспринимающаго въ этой рѣчи тѣ смыслы, которые имѣютъ отношеніе къ искомому имъ цѣлому. Кратко говоря: воспріятіе чужой мысли всегда есть ея истолкованіе; а «простое» ея пониманіе есть то же истолкованіе, только неосознанное и скрытое.

Все это имѣетъ первостепенное значеніе для пониманія догматическихъ формулъ. Сводитъ ихъ пониманіе къ тѣмъ смысламъ, которые вкладывались въ нихъ ихъ авторами, истолковывать ихъ исключительно въ свѣтѣ исторіи — значитъ, суживать ихъ пониманіе ограниченнѣмъ кругозоромъ тѣхъ, кто ихъ составлялъ, отвѣчая, конечно, запросамъ и требованіямъ современниковъ и эпохи. Но, вѣдь, догматъ есть нѣчто большее чѣмъ категория исторіи. Догматъ дается Церкви на всѣ времена и можетъ безконечно превосходить по своему значенію и глубинѣ то, что думали о немъ тѣ, кому дано было его формулировать. Историческая обстановка, въ результатѣ которой возникали догматическія формулы, должна быть разсматриваема, какъ поводъ къ ихъ осознанію, выработкѣ и принятію, а отнюдь не какъ причина ихъ возникновенія. Иначе мы пришли бы къ выводу, что догматы суть результаты ересей (2). Но истина не можетъ быть порождена ложью, она существуетъ въ себѣ, существуетъ отъ вѣка и ея отрицаніе или искаженіе можетъ быть только поводомъ для ея болѣе или менѣе точнаго формулированія въ данный историческій моментъ. Но, въ то мгновеніе, когда эта формула выходитъ изъ лабораторіи мысли и, переставъ быть теологуменомъ, становится догматомъ, она предстоить намъ, какъ нѣчто самостоятельное и независящее отъ своихъ создателей, какъ нѣкое логическое цѣлое, причемъ эта ея логичность свидѣтельствуетъ не только о ея связи съ неточными и двусмысленными законами человѣческой логики, но и о ея причастіи божественному Логосу, то есть самой реальности абсолютнаго Разума. Историческое истолкованіе догматическихъ формулъ является, поэтому, только вспомогательнымъ методомъ для пониманія **одного** изъ ихъ возможныхъ смысловъ. Но принимать этотъ смыслъ за единственнѣй и думать, что догматъ означаетъ только то, что вкладывали въ него современники его историческаго возникновенія, значитъ релятивизировать истину (въ смыслѣ пониманія ея только въ отношеніи къ данной проблематикѣ), значитъ сводить ее съ тѣхъ высотъ, съ которыхъ открываются безконечные горизонты и видѣть ее исключительно въ перспективѣ одномѣрнаго, человѣческаго, ограниченнаго пространства. Вѣчная истина не можетъ быть

1) Ср. съ этимъ удивительное по своей глубинѣ описаніе дѣятельности разума, которое въ своей книгѣ «L'Intellectualisme de St. Thomas» даетъ Roussetot: «l'intellection est une action prenante».

2) Проблема примата утвержденія надъ отрицаніемъ и соблазнъ рядоположенія ихъ въ качествѣ корелятивныхъ функцій или даже подчиненія утвержденія отрицанію разсмотрѣно мною въ специальномъ этюдѣ «Зло и отрицаніе», имѣющемъ своей темой «дьявольскую» логику. См. также соотв. главу «Логикѣ и догматики». — Правосл. Мысль, вып. V.

исчерпана исторической реальностью. Съ теченіемъ времени, съ возникновеніемъ новыхъ проблемъ, она обращается къ намъ все новыми и новыми гранями, возбуждая насъ къ ея творческому пониманію, къ нахожденію въ ней новыхъ смысловъ, путемъ усмотрѣнія тѣхъ синтезовъ понятій, которые въ ней всегда содержались, но не были видимы, затемненные и заслоненные обычными ея истолкованіями. Вся эта проблема получила особую остроту въ наше время великаго кризиса автономной философіи. Послѣ грандіозныхъ попытокъ неокантіанства, показавшаго невозможность безпредпосылочнаго мышленія; послѣ опытовъ «экзистенціальной» философіи, показавшей, что принципъ безпредпосылочности разрушаетъ не только мысль, но и самую жизнь, передъ мыслителемъ (и дѣятелемъ!) во всей обнаженности всталъ вопросъ: *to be or not to be*.

Для философа выборъ бытія — жизни — мысли — означаетъ и принятіе какихъ то предпосылокъ, какихъ то основныхъ истинъ, черезъ которыя все стало быть и безъ которыхъ ничего не можетъ быть... Нѣтъ нужды настаивать на томъ, что для вѣрующаго сознанія таковыми предпосылками являются догматы, каковыя должны быть приняты не только безусловно, но и универсально (*unum versus aliud*), то есть по отношенію ко **всему** мыслимому и существующему. Другими словами, догматическія опредѣленія должны быть поняты такимъ образомъ, чтобы содержащіяся въ нихъ смыслы отвѣчали бы не только на богословскія проблемы (по поводу которыхъ они возникли), но освѣщали бы своимъ свѣтомъ гносеологію и онтологію, антропологию и космологію, исторіософію и біологию. Рѣчь здѣсь, конечно, идетъ не о новой схоластикѣ, не о расщепленіи догмата на частныя истины, но о тѣхъ основныхъ положеніяхъ, о тѣхъ предпосылкахъ, категоріяхъ, импульсахъ мысли (какъ бы ихъ ни называть), безъ которыхъ все человѣческое знаніе превращается въ груду несвязанныхъ (и слѣд. ничемныхъ) сужденій. Эта работа безусловно предстоитъ будущему. Жажда цѣлостнаго міровоззрѣнія никогда еще не ощущалась съ такой остротой, какъ въ наши дни; объ этомъ свидѣтельствуетъ историческій успѣхъ идеократическихъ государствъ, дающихъ, пусть ложныя, но цѣлостныя и послѣдовательныя міровоззрѣнія. Но въ то время, когда антирелигіозныя системы соблазняютъ милліоны людей своей видимой стройностью, христіанская мысль утратила свое единство и забыла о своей полнотѣ. Эта внутренняя ея секуляризація пошла такъ далеко, что сейчасъ простое пожеланіе о томъ, чтобы законы логики или истины біологіи или физики были бы внутренне связаны съ догматическими истинами, кажется страннымъ и непонятнымъ. Знаніе оказалось расщепленнымъ, фрагментаризированнымъ. И догматика, утративъ свое царственное положеніе, получила значеніе специальной богословской дисциплины. А между тѣмъ, ея богатство неисчерпаемо — если только умѣть имъ пользоваться и находить въ богооткровенныхъ истинахъ тѣ смыслы, которые могутъ освѣтить и современныя, волнующія насъ проблемы. Отдѣльные примѣры этому мы постоянно находимъ въ произведеніяхъ христіанскихъ мыслителей всѣхъ исповѣданій; вѣдь вся христіанская мысль есть, по существу своему, экзегеза христіанской истины. Но подготовительная работа по систематическому изслѣдова-

нію возможных смыслов, содержащихся въ христіанскомъ вѣроученіи (и въ первую очередь, въ Символѣ вѣры) еще не выполнена. Между тѣмъ, именно эта работа смогла бы безмѣрно обогатить наше догматико-философское мышленіе, предоставивъ въ его распоряженіе огромный матеріаль «возможностей», изъ которыхъ — какъ изъ реальныхъ камней (а не изъ иллюзорныхъ положеній) можно было бы строить зданіе христіанской философіи.

Л. Зандеръ.